

А. А. ТОРТИКА

ЛЕСОСТЕПНОЕ ПОДОНЬЕ-ПРИДОНЕЧЬЕ И ГОРНЫЙ КРЫМ В ХАЗАРСКОЕ ВРЕМЯ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Лесостепное Подонье-Придонечье – Северо-Западная Хазария, археологическим эквивалентом которой является лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры VIII-X вв. и Горный Крым (страна Дори, Готия раннесредневековых авторов) в течение длительного времени входили в состав Хазарского каганата и подчинялись центральному хазарскому правительству. Оба региона были населены полиэтничными родоплеменными группами не хазарского происхождения: Подонье-Придонечье – алано-болгарами, Готия – алано-готами¹, которые, благодаря общности исторических судеб и территории проживания, в хазарский период обнаруживают явную тенденцию к усилению этнополитической консолидации, идут по пути постепенного слияния в единый этнос. Алано-готы Горного Крыма раньше, еще в середине IX в., освободились из под власти Хазарского каганата и, как отмечает А.И.Айбабин, превратившись в особую синтетическую народность, просуществовали как этническая и территориальная целостность вплоть до XVIII в. [1, с. 229-230]. Алано-болгары лесостепного Подонья-Придонечья в течение всей своей истории с середины VIII по середину X вв. находились в составе Хазарского государства, а после его крушения прекратили свое существование как некая единая этно-социо-культурная группа раннесредневекового населения Восточной Европы и исчезли (растворились?, переселились?) среди окружающих народов.

Сравнительное изучение двух названных регионов в указанный исторический период представляется перспективным в плане реконструкции происходивших там этнокультурных и социальных процессов, общим историческим фоном для которых был сам факт существования Хазарского каганата, вхождение в его

---

¹ Здесь и далее вместо более привычного для специалистов термина “готоаланы”, используется уточненный А.И.Айбабиным термин “аланоготы”. “...анализ археологических материалов позволяет поменять местами слагаемые этого этнонима и именовать народ, сформировавшийся в Горном Крыму в средние века, аланоготами” [1, с. 230].

военно-политическую систему, выполнение тех или иных функций, навязанных центральным хазарским правительством. Именно провинциально-пограничный характер указанных регионов по отношению к “центру” Хазарского каганата, полиэтничный состав их населения, в котором в обоих случаях основной численной и культурной составляющей являлись аланы, определяют, как представляется, целый ряд сходных черт в их развитии в хазарское время.

Жители обоих регионов были явно военизированы. Это проявлялось в высокой степени вооруженности мужской части населения, зафиксированной по материалам могильников [2, с. 69; 3], в наличии большого количества оборонительных сооружений – городищ и крепостей [4, с. 22-50; 5, с. 129-140; 6; 1]. Организованы и те, и другие были, видимо, по родоплеменному принципу, который сочетался с территориальным [5, с. 109-117; 7]. Интересно, что эти полиэтничные территориальные общины, образовавшиеся в результате катаклизмов раннесредневековой истории Восточной Европы [8, с. 47; 9, с. 198-199; 10], регенерируют родоплеменной способ организации общества, который осуществляется через постепенное включение новых компонентов в общую, имеющую традиционный характер военно-территориальную структуру. Основную массу населения каждого из регионов составляют свободные общинники, все взрослые мужчины являются воинами, объединенными в какие-то военные единицы. Одновременно такие единицы являются эквивалентом соответствующих родоплеменных образований, территорий, населенных пунктов и крепостей. Формируется общность культурных признаков, размываются культовые отличия, прежде всего, отличия в погребальном обряде [11; 1]. В обоих регионах в хазарское время происходит активное развитие экономики: процветает земледелие, скотоводство, виноградарство, ремесла [12; 7; 13; 1]. Есть основания предполагать участие этих групп населения в торговле, развивавшейся на территории Хазарского каганата, их использование во внешнеполитических акциях хазар.

Следует отметить, что, безусловно, источниковая база, доступная для изучения истории Крымской Готии, гораздо обширнее и разнообразнее². Для Северо-Западной Хазарии – Подонья-Придонечья, при достаточно богатом и разноплановом археологическом материале, следует отметить практически полное отсутствие прямых сообщений письменных источников. В этой связи, более полная картина истории Крымской Готии в хазарское время, развивавшейся как один из пограничных регионов Хазарского государства и входившей в систему управления и налогообложения, существовавшую в это время в Каганате, может стать основой для проведения аналогий и исторических реконструкции тех процессов, которые происходили в Северо-Западной Хазарии.

В то же время, в истории названных регионов есть и ряд отличий, которые определяют границы допустимых аналогий в ходе намеченного сравнительного анализа. Прежде чем обратиться к более подробному рассмотрению отмеченных

---

² См. монографию А.И.Айбабина [1].

черт сходства или отличий, необходимо напомнить, что, конечно же, оба региона имеют уже достаточно длительную историю научного (исторического и археологического) изучения. Не предполагая создания работы историографического характера, необходимо назвать хотя бы основные исследования, имеющие отношение к поставленной проблеме. К их числу относятся: во-первых, обобщающие монографии, в которых дана ретроспектива всей хазарской истории и, хотя бы обзорно, обозначено место Готии и Подонья-Придонечья в этом государстве; во-вторых, естественно, требуют внимания взгляды авторов, писавших специально о лесостепном варианте салтовской культуры и его населении; в-третьих, работы, посвященные истории и археологии Крымской Готии.

К перечню обобщающих работ необходимо отнести статьи и монографии М.И.Артамонова [14], статьи И.И.Ляпушкина [15], Д.Т.Березовца [16; 17], книги С.А.Плетневой [4; 2; 18], последнюю историческую монографию обобщающего характера А.П.Новосельцева [19]. В определенной степени помогает раскрытию темы и книга А.В.Гадло [20], посвященная этнокультурному развитию другого, не менее важного для Хазарии региона – Северного Кавказа.

Собственно Северо-Западной Хазарии посвящены, в основном, археологические работы Д.Т.Березовца [16; 17], С.А.Плетневой [4; 2; 18], В.К.Михеева [12; 21; 8], Г.Е.Афанасьева [5], К.И.Красильникова [22] и др. Исторический характер имеет только монография О.Б.Бубенка [23], в которой излагаются результаты комплексного историко-археологического изучения аланояского населения Восточноевропейской степи и лесостепи.

Крымская Готия стала поводом для появления обширной историографии, с трудом поддающейся описанию. Среди основных работ посвященных этому региону и раскрывающих особенности его исторического, этнокультурного и социального развития, следует назвать исследования В.Г.Васильевского [24], А.А.Васильева [25], М.А.Тихановой [26], Е.В.Веймарна [27; 28], А.Л.Якобсона [6; 7], Л.В.Фирсова [29] и др. Среди работ, вышедших в последние полтора десятилетия, необходимо отметить монографии и статьи И.А.Баранова [13], И.С.Пиоро [11; 10], А.Г.Герцена [30] и А.И.Айбабина [1]. Наиболее полная и достоверная сводка данных археологических и письменных источников по истории Крымской Готии в хазарское время содержится в монографии А.И.Айбабина. Собственно эта работа и послужила основой для выявления тех характеристик горно-крымского региона, которые могут быть использованы для дальнейшего сравнительного анализа.

На основе названных обобщающих и специальных исследований, а также используя данные письменных источников византийского (Прокопий Кесарийский [31]; Феофан и Никифор [32]; Константин Багрянородный [33]), хазаро-еврейского (Еврейско-хазарская переписка [34]; Кембриджский Аноним [35]), арабо-персидского (ибн-Ходдадбех [36], ибн-Рустэ [37], ибн-Фадлан [38], ал-Масуди [39, с. 140] и др.) и древнерусского (ПВЛ [40]) происхождения можно

предложить следующую картину исторического развития обоих названных регионов в хазарское время.

Как отмечают ведущие исследователи хазарской проблематики, в 40-60-х гг. VIII в., видимо, вскоре после окончания самой крупной арабо-хазарской войны (737 г.) часть алан покинула предгорья Северного Кавказа и переселилась в лесостепное Подонье, освоив там бассейны рек Северский Донец, Оскол и Тихая Сосна. К настоящему времени там известно более 300 памятников салтово-маяцкой культуры [5, с. 151], а общая площадь освоенного в хазарское время региона составляет около 100000 км² [2, с. 7]. За время, прошедшее с момента открытия салтовской культуры, ее исследователи выдвигали самые разнообразные гипотезы, объясняющие причины такого массового переселения алан (бегство от арабов, чуму, вытеснение болгарами и т.д.) [подробнее см.: 4, с. 91; 12, с. 97; 5, с. 151; 18, с. 24-25 и др.]. В последние годы также продолжают появляться новые варианты объяснений этого исторического события. Например, И.А.Аржанцева считает, что одной из возможных причин, подтолкнувших часть алан Кисловодской котловины к переселению, могла стать сейсмическая активность, возросшая здесь в середине VIII в. Все же, в настоящее время, наиболее убедительной представляется гипотеза выдвинутая А.В.Гадло [20] и В.К.Михеевым [12; 8]. Эти авторы вполне обоснованно считали, что в период расцвета Хазарского каганата, успешного подчинения и освоения хазарами территории юга Восточной Европы, никакие переселения не могли происходить без санкции центрального хазарского правительства. Исходя из этой гипотезы, аланы (какая-то их часть) были переселены на северо-западное пограничье каганата целенаправленно, в качестве пограничного воинского контингента, обеспечивавшего покорность и данничество восточнославянских племен [8, с. 46].

Тот факт, что аланы этого региона не упоминаются в письменных источниках, объясняется тем, что, во-первых, он находился за пределами территорий, известных авторам раннесредневековых письменных источников; во-вторых, по мнению С.А.Плетневой, тем, что, скорее всего, аланы здесь довольно быстро получили другой этноним. В основу салтово-маяцкой культуры легла сармато-аланская культура [4, с. 184-186] или, как считает Г.Е.Афанасьев, салтово-маяцкая культура может рассматриваться как один из хронологических этапов аланской культуры [5, с. 151]. В понимании этнической сущности СМК и ее генезиса между исследователями наблюдаются некоторые разночтения. Наиболее точной представляется формулировка С.А.Плетневой, которая еще в 1967 г. указала на то, что наибольшую роль в формировании СМК сыграла культура северокавказских аланов, принесших с собой на новые места уже сложившийся земледельческо-скотоводческий

уклад жизни и ремесла. Протоболгары, проживавшие в VIII в. в Подонье и Приазовье, вступили в непосредственный контакт с аланами, быстро заимствовали их культуру. Но, поскольку численно болгар было больше чем алан, они, в результате, стали основными носителями этой культуры в других местах ее распространения (средний Донец, нижний Дон, Приазовье, Крым и т.д.) [4, с. 185; 18, с. 24]. Так же дифференцированно необходимо подходить и к проблеме оседания населения, оставившего памятники салтово-маяцкой культуры, четко разделяя аланский и протоболгарский варианты. Видимо, процесс оседания (седентаризации) был, все же, не столь однозначным и тотальным, как это было принято считать в хазароведении со времен М.И.Артамонова [14, с. 235-236]. Подробнее эта проблема будет рассмотрена ниже, здесь же хотелось бы отметить, что, по крайней мере, для аланского населения Северо-Западной Хазарии седентаризация не была актуальна. Как точно заметил В.К.Михеев, хозяйственно-культурный тип пашенных, плужных земледельцев, который складывается в лесостепном Подонье в VIII-X вв., является не результатом оседания, а следствием миграции в этот район давно сформировавших свой земледельческий хозяйственный облик северокавказских алан [8, с. 45].

А.П.Новосельцев утверждал, что Подонье, населенное аланами-яссами и болгарами, непосредственно входило в состав Хазарского каганата [19, с. 105]. Он считал возможным отождествлять Климаты Хазарии Константина Багрянородного с местами обитания народов, населявших север Хазарии в соответствии со списком, приведенным в письме хазарского царя Иосифа Хасдаю ибн Шафруту [34, с. 98-99]. В результате, по его мнению, в сочинении Константина Багрянородного речь шла о восточноевропейских владениях Каганата [33, с. 53], которые являлись главным источником дани для хазар. К числу названных климатов исследователь относил и Подонье, район которого считал особенно важным для хазар. Крепости, располагавшиеся по Дону и Северскому Донцу, давали хазарам возможность контролировать торговые пути, проходившие через Переволоку, с Волги на Дон, с Дона в Азовское море и далее [19, с. 108-109]. По выражению С.А.Плетневой, население Северо-Западной Хазарии играло роль своеобразного "казачества". Основной его функцией было проведение в жизнь наступательной политики каганата на западных и северо-западных соседей [2, с. 282]. Причины и точное время исчезновения с исторической арены населения Северо-Западной Хазарии по-прежнему обсуждаются в научной литературе. Среди гипотез, объясняющих это историческое явление, наибольшее распространение получили "печенежская" (т.е. памятники СМК прекращают свое существование в результате разгрома печенегами в начале X в.) [2] и "древнерусская" (в результате похода Святослава 965 или 968 г.) [14; 19; 5].

Специфическая этнокультурная и военно-политическая ситуация, определившая особенности исторического развития Крымской Готии, начала складываться задолго до появления хазар. Рассматривая формирование этнического состава и социальное устройство Юго-Западного Крыма в раннем средневековье, А.Л.Якобсон отмечал, что еще в V-VI вв. готы слились здесь с довольно сложным по своему составу местным земледельческим населением, преимущественно аланским, продвинувшимся сюда из Восточной Таврики [7, с. 9-10]. И.С.Пиоро датирует проникновение готов в Крым серединой – концом III в. [11, с. 13] А.И.Айбабин считает, что это могло произойти в конце первой половины III в., в это же время возникают и аланские поселения Горного Крыма [1, с. 26]. Совместное расселение этих двух народов могло быть обусловлено тем, что аланы в это время входили в состав готских объединений и вместе с ними участвовали в походах и завоеваниях. Затем, на протяжении V в. в Юго-Западном Крыму происходит освоение аланами и готами пастушеско-земледельческого типа хозяйства [1, с. 225]. По мнению И.С.Пиоро, готский обряд трупосожжения в крымских могильниках исчезает в V в. под влиянием христианства. Сходного мнения придерживается и А.И.Айбабин [1, с. 226]. Затем в раннесредневековых могильниках Юго-Западного Крыма господствуют сармато-аланские погребальные традиции, но в женских погребениях преобладают элементы женского готского костюма, что может свидетельствовать о начале процесса смешения готов с аланами. В результате появляется название “готоаланы” [11, с. 14]. После захвата гуннами степного Крыма восточно-римская империя привлекает готов и алан на службу в качестве федератов [1, с. 226]. Следует отметить, что готоаланские могильники этого времени, как правило, связаны с крепостями, располагавшимися по Второй гряде Крымских гор, вдоль границы византийских владений.

В этой связи интересна приведенная Л.В.Фирсовым трактовка сообщения Прокопия Кесарийского о численности войск страны Дори. Как известно, Прокопий в своем сочинении “О постройках” пишет следующее о готах Крыма в VI в.: “(они) достигают численности до трех тысяч бойцов, в военном деле они превосходны, и в земледелии, которым они занимаются собственными руками, они достаточно искусны” [31, с. 249]. По мнению Л.В.Фирсова, хронист имел ввиду только тот контингент, который участвовал в военных походах императора, а не все боеспособное население страны. Именно так и М.А.Тиханова интерпретировала сообщение о готских воинах, указывая на то, что из их числа нельзя делать заключение о малочисленности готов в Дори [26, с. 324]. Сам Л.В.Фирсов считает, что эти три тысячи могли составлять не более 5% от всего населения, следовательно, в Дори, по его подсчетам, могло проживать до 60 тыс. человек [29, с. 109].

Может быть полезной для сравнения с Северо-Западной Хазарией и ландшафтная характеристика Готии, предложенная Л.В.Фирсовым: “здесь много плодородных и обширных угодий в долинах рек Черной, Бельбека, Качи, Альмы, Салгира, а также в долинах их многочисленных притоков и на полого наклоненных и ровных пространствах квест – структурных террас, представляющих собой возвышенные плато. Эта территория размером 100х30 км составляет около 20% площади Крымского полуострова. Севернее Третьей гряды гор начинается сухая степь, южнее лежит плодородная лесистая область, в целом возвышенная, распространяющаяся до массивов яйл” [29, с. 110].

А.И.Айбабин отмечает, что “благодаря византийским субсидиям, в аланских и готских общинах до третьей четверти VI в. сохранялась военная демократия”. В результате развернувшегося в последней четверти VI в. фортификационного строительства, область Дори разделилась на районы, управляющиеся из крепостей. Возросла роль вождей племен, которых дука Херсона назначал начальниками крепостей. Византийская военная политика, культурное и идеологическое воздействие, по мнению А.И.Айбабина, стимулировали возникновение ассимиляционного процесса в Горном Крыму. В VI – первой половине VII вв. у алан и готов Дори унифицируется погребальный обряд, имеют хождение византийские поясные наборы и женская одежда с типичными для германцев фибулами и пряжками [1, с. 228].

По представлениям А.П.Новосельцева, хазары закрепляются в Крыму уже в конце VII в. По его мнению, в VIII-IX вв. присутствие хазар здесь было настолько значительным, что Черное море называлось тогда Хазарским. В какой-то степени это положение дел, хотя и с запозданием по отношению к исторической действительности, отражено в письме Иосифа, в списке “хазарских” городов которого 13 из 11 относятся к территории Крыма [19, с. 109-110].

Наиболее полная картина истории Готии в хазарское время представлена в работах А.И.Айбабина. Так же как и А.П.Новосельцев, он считает, что хазарское влияние распространилось на Готию в конце VII в. [41, с. 72; 42, с. 216; 1, с. 194]. После 712 г. хазары установили свой протекторат над всем Крымом и не соглашались с присутствием крупных византийских войск даже в Херсонесе, принадлежность которого к империи они не оспаривали [1, с. 196]. В начальный период хазарского протектората этнический состав населения Готии не менялся [1, с. 197-199]. Как писал еще М.И.Артомонов, в это время Готия, по всей видимости, управлялась еще своим князем, хотя и находившимся под контролем хазар [14, с. 252]. С начала VIII в., отмечает А.И.Айбабин, в инвентаре алано-готских погребений проявляются связи с Хазарией, здесь, наряду с вещами крымско-византийского круга, встречаются украшения и детали поясных наборов уральского типа. В экономике Готии в это время доминируют земледелие и скотоводство [1, с. 200-201].

Важным фактором истории Крыма в это время А.Л.Якобсон считал также заселение степного и предгорного Крыма протоболгарами [7, с. 36-37]. По его мнению, в Крым переселяются приазовские болгары (болгары Батбая, черные болгары). Они были кочевниками, но в Крыму, особенно в предгорьях, оседают [7, с. 38]. И.А.Баранов утверждал, что "салтовская" колонизация Крыма происходила "двумя волнами", первая – оногурская – VII-VIII вв., вторая – хазаро-куртигурская – середина VIII в. [13, с. 152]. Для А.И.Айбабина очевидно, что вторая миграция булгарских племен в контролируемый хазарами Крым была вызвана арабо-хазарскими войнами 722-737 гг. [1, с. 202]. В результате, с середины VIII в. в Восточном Крыму на холмах Тепсень и Кордон-Оба и в Тиритаке появились грунтовые могильники болгар [43, с. 130]. Как отмечает А.И.Айбабин, скорее всего, вновь переселившиеся в Крым болгары мирно осели на свободных землях, освоили здесь земледелие и новый тип скотоводства. Около середины VIII в. в Северо-Западном, Восточном и Центральном Крыму возникают новые поселения, некрополи и гончарные центры. На поселениях булгар развивались прядение, производство лепной и гончарной кухонной керамики, ткачество, кузнечное ремесло, бронзолитейное производство [1, с. 204-205]. В научной литературе признается также общность материальной культуры сельских поселений на территории Таврики и степного Приазовья в VIII-X вв. И там, и здесь были оседло-земледельческие поселения с развитым в той или иной степени скотоводством, господствовали в сущности близкие формы материальной культуры (почти тождественен состав керамики, близки формы жилища и обряда погребения). Так же, как и в лесостепном Подонье-Придонечье VIII-X вв., различные исследователи единодушно отмечают возникновение и рост новых поселений в Крыму, общий процесс обновления и подъема всей жизни, развитие ремесленного, прежде всего керамического, производства, происходившие в период хазарского владычества.

Далее реконструкция исторических событий конца VIII в. по А.И.Айбабину выглядит следующим образом. В 786 или 787 гг. возникли противоречия между властями Готии и хазарской администрацией, и в Дорос был введен хазарский военный отряд. Не желая с этим мириться, избранный в 755 г. епископ Готии Иоанн, как свидетельствует "Житие Иоанна Готского", вместе "с господином Готии и ее архонтами и ее жителями восстали, изгнали хазар из Дороса и овладели горными проходами. Жители одного селения предали архирея. Каган пощадил господина Готии, но казнил 17 "рабов"". После усмирения восстания хазары вновь разместили на Мангупе небольшой гарнизон [1, с. 208-209]. А.Г.Герцен в общей периодизации истории Мангупа выделяет особый хазарский период (конец VIII – вторая половина IX вв.). Автор указывает на кратковременный захват крепости хазарами, существенно не отразившийся на материальной культуре населения Мангупа [30, с. 29]. Интересно, что важным экономическим фактором этого

времени стало виноделие и, вероятно, наличие системы административного контроля над производством, хранением и транспортировкой вина, в чем, по всей видимости, были заинтересованы хазары. Как считает А.Г.Герцен, все свидетельствует о кратковременном присутствии хазарского военного контингента в Доросе. В дальнейшем хазарское присутствие здесь ограничилось установлением системы административного контроля, который постепенно ослабевал, уступая место вновь усиливающемуся византийскому влиянию [30, с. 32-33].

Тексты ряда письменных источников – житий Иоанна Готского и патриарха Никифора (808-815 гг.), письма Федора Студита, сообщения Феофана и Никифора, позволили А.И.Айбабину охарактеризовать административную систему, образовавшуюся в Готии в VIII в. после установления над ней хазарского протектората. Готия состояла из климатий или архонтий, которыми называли административные районы, имевшие крепость или городок с резиденцией архонта. Таковыми являлись крепости на плато Мангуп (Дорас), Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Бакла и т.д. Архонта архонтии Дорас, для облегчения сбора налогов, каган назначил правителем Готии³.

Как считает А.И.Айбабин, после ликвидации восстания Иоанна Готского булгары отдельными группами селятся в Готии, где теснят аланские и готские общины. Возникновение в конце VIII в. в Горном Крыму (в условиях наступившей стабильности) новых поселений способствовало росту основных отраслей экономики Готии: земледелия, виноделия и скотоводства [1, с. 210-212]. В следующем столетии городища и многие поселения Готии, заселенные аланами, готами и булгарами, пережили нападения мадьяр и хазар, что фиксируется также и по материалам некрополей [1, с. 221]. В третьей четверти IX в., по предположению А.И.Айбабина, мадьяры окончательно изгнали хазарские войска из Крыма⁴ [1, с. 227]. История Крымской Готии на этом отнюдь не заканчивается, но дальнейшее ее развитие уже никак не связано с хазарами и, в этой связи, здесь рассматриваться не будет.

Таким образом, проведенный выше анализ современных научных представлений об истории Северо-Западной Хазарии и Крымской Готии в

³ Интересно, что почти в это же время аналогичные процессы наблюдаются в северо-западной Хазарии. Там происходит расселение прибывших с Северного Кавказа алан, строительство крепостей, из которых, вероятнее всего, и управлялись близлежащие территории. Это часть общегосударственной политики, связанной с укреплением государства, упорядочиванием системы управления в пограничных областях или в областях не населенных хазарами и платящих дань каганату – А. Т.

⁴ Следует отметить, что по этому поводу известны и другие точки зрения. Так И.А.Баранов считал, что хазарское господство в Крыму прекратилось во второй половине X в. По его мнению, Византия, воспользовавшись победами Святослава над хазарами в 965 г., присоединила Готию, изгнав хазарские войска из Юго-Западной Таврики [13, с. 153]. Аргументированную критику этой датировки А.И.Айбабиным см. [1].

хазарское время позволяет приступить к их сравнительному изучению, заявленному в названии работы. Очевидно, что одним из главных отличий между сравниваемыми раннесредневековыми регионами Восточной Европы является то, что отмеченные выше процессы культурного и этнического смешения аланских и готских родоплеменных групп в Горном Крыму начались намного раньше, чем в Северо-Западной Хазарии, практически уже с IV-V вв. н.э. В результате это привело к формированию более устойчивого этносоциального образования. Большая степень сопротивляемости различным внешним воздействиям была обусловлена и географическим положением региона. Прежде всего, необходимо указать на само полуостровное положение Крыма, находившегося в стороне от основных маршрутов миграций кочевников в степях Восточной Европы. Немалое значение имело наличие горного ландшафта, определенной изоляции аланоготов, проживавших в горах и горных долинах за хорошо охраняемыми перевалами. Это население не могло быть ассимилировано кочевниками, так как последние не были заинтересованы в освоении гор, для них эти территории не представляли никакой хозяйственной ценности до тех пор, пока они владели степью. Гораздо целесообразнее для них было подчинить проживавшее там алано-готское население и, не уничтожая, использовать его в своих целях (налоги, производство вина, военная служба). Не смогли освоить горы и византийцы. Им, по всей видимости, в силу внешних военно-политических причин удобнее было сохранять горное население в качестве федератов, представлявших собой своего рода буфер между византийскими населенными пунктами на побережье, прежде всего Херсоном, и кочевниками степного Крыма – гуннами, акацирами, затем хазарами, мадьярами, печенегами и т.д. Вероятно, также было выгодно, когда была возможность облагать их налогами, торговать с ними, получая продукты питания – результат существования на территории Готии высокоразвитого комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства. Так что, по всей видимости, не только высокие боевые качества населения горно-крымского региона, но и удачно сложившиеся обстоятельства привели к тому, что реликт эпохи Великого переселения народов, алано-готы, пережили практически всех своих современников и сохранились до нового времени. Впрочем, справедливости ради, необходимо отметить, что это явление характерно для многих горных (Северный Кавказ) или пустынных (бушмены Калахари) местностей. Немалую роль в формировании и сохранении особенностей этого региона, конечно же, сыграло и положение федератов Византийской империи, создание при императоре Юстиниане I единой системы обороны.

В лесостепном Подонье-Придонечье аланы являются наиболее монолитной и консервативной этнической группой, они наиболее устойчивы в сохранении культурно-бытовых традиций и погребального обряда, особого антропологического типа. Их поселения компактны и, в основном, моноэтничны.

Здесь, на северо-западе Хазарского каганата, не аланы включаются в состав других образований, а, как правило, представители других этносов входят, в том или ином количестве, в состав аланских общин [2, с. 268-269]. По мнению археологов, исследовавших аланские катакомбные могильники – Дмитриевский и Маяцкий, признаком включения в аланские общины болгарского этнического компонента является появление на территории катакомбных могильников погребений в простых грунтовых ямах и брахикранный, отмеченная в антропологическом типе некоторых погребенных в катакомбах. Местами, особенно на юге региона, на границе между верхним и средним течением Северского Донца (Волчанский, Чугуевский, Балаклеевский, Змиевской, Изюмский районы современной Харьковской обл.) наблюдается чересполосное расселение разноэтничных родовых групп, зафиксированное, прежде всего, в ходе изучения памятников погребальной обрядности. Могильники с ямными погребениями протоболгарского типа, с деревянными конструкциями, с трупосожжением располагаются в непосредственной близости – несколько километров от катакомбных могильников. Общеизвестным примером такого соседства являются Верхнесалтовский археологический комплекс с аланским населением и расположенные напротив него на другом берегу Северского Донца Нетайловские поселение и могильник.

Протоболгары, видимо, с большей легкостью, чем аланы, ассимилируются. Это типично для кочевников евразийских степей. В кочевой истории известно много примеров, когда этносоциальные родоплеменные организмы – племена или союзы племен, на короткий срок объединялись, потом распадались и входили в состав новых объединений. Для протоболгар в течение раннесредневековой истории эта перманентная смена форм их политической принадлежности была нормой. В VI в. они образовывали родственные, но постоянно враждующие племенные союзы кутригуров и утигуров. Затем оба союза потеряли политическую самостоятельность и вошли в состав Западно-тюркского (утигуры после 576 г. и до 630 г.) и Аварского (кутригуры после 570 г. и до 630 г.) каганатов. После 630 г. протоболгары освобождаются и создают самостоятельную кочевую политику (конфедерацию) – Великую Болгарию Кубрата, в которой политическое преобладание получил ханский род оногундугов. После 768 г. и до конца IX, а местами, возможно, и до середины X вв., значительная часть протоболгар, входивших в состав Великой Болгарии, подчиняется хазарам.

Лишение привычной пастбищной базы и, вероятно, и даже в первую очередь, скота в результате хазарского завоевания степей Восточной Европы (ведь кочевники всегда отнимали скот у побежденных), местами, как в Подонцовье, так и в Крыму, приводит к оседанию каких-то протоболгарских семей или родовых групп. На этот процесс неоднократно обращали внимание С.А.Плетнева [4; 44; 2; 18], А.В.Гадло [45], К.И.Красильников [46], В.К.Михеев [12] и др. В результате, в

оседании раннесредневековых кочевников Восточной Европы была определена историческая закономерность, и весь ход исторического развития кочевых обществ рассматривался как поступательное (линейное) движение от полного (таборного по С.А.Плетневой [44]) кочевания к полuosедлости и, затем, полной оседлости. Этот процесс рассматривался в советской науке как проявление прогресса в кочевой среде. Не останавливаясь здесь специально на этом вопросе, следует отметить, что закономерный характер перехода к оседлости экономически здоровых и состоятельных в военном отношении кочевых народов вызывает сомнения. Кочевники, владевшие степями и выпасавшие там скот, сохраняли неизменным свой образ жизни и способ ведения хозяйства в течение столетий. В целом степи Евразии воспроизводят кочевой быт и кочевое хозяйство, несмотря на пестроту сменявших друг друга в течение истории народов, по крайней мере три тысячи лет (есть и другие точки зрения, удревняющие кочевой образ жизни до II тыс. до н.э.), создавая постоянно присутствующий в истории оседлых соседей фон своего рода кочевой "цивилизации" [47]. Оседают же, на самом деле, в рамках традиционного кочевого хозяйства, только бедняки, потерявшие скот и пастбища, это – всегда незначительная часть населения. Оседают кочевники, потерпевшие военное поражение, ограбленные, лишенные скота, вытесненные из степей более могущественным противником [48, с. 16-17]. Именно это и произошло, по всей видимости, с протоболгарами Придонецья и Крыма и данная ситуация объясняется не воздействием некоей внутренней закономерности стадийного характера, а является результатом развития конкретной исторической ситуации, связанной с военной активностью хазар и созданием Хазарского каганата.

Следует признать, что для советских ученых, пытавшихся создать какие-то обобщенные картины исторического развития, возможности формулировки исторической концепции ограничивались общепринятыми и обязательными марксистскими построениями, носившими "однолинейный" прогрессистский характер. Поэтому, при всем желании быть объективными, даже лучшие представители отечественной науки мыслили в контексте марксистской схемы и, временами, несколько упрощенно трактовали историческое развитие кочевых народов, входивших в состав Хазарского каганата. Здесь, вслед за А.М.Хазановым, следует признать, что "идеология поставила советских ученых перед неразрешимой проблемой: как доказать, что кочевники развивались в направлении более сложных социально-экономических систем" [49, с. 46]. В то же время следует отметить, что еще в 1967 г. С.А.Плетнева в результате объективного научного анализа археологического материала всех локальных вариантов СМК пришла к выводу, что в течение всего времени существования культуры у оставившего ее населения существовали параллельно самые разнообразные хозяйственно-культурные типы [4, с. 180-190]. Именно эта идея, как представляется, является наиболее продуктивной и может быть положена в

основу в ходе характеристики социального, экономического и этнического разнообразия, отмеченного исследователями в среде носителей СМК.

Как уже было отмечено выше, закономерный и поступательный характер процессов оседания населения лесостепного Подонья-Подонцовья опровергается и результатами археологических исследований памятников этого региона. В этом отношении наиболее показательны, как представляется, данные об уровне и структуре хозяйства населения, а также характер традиций домостроительства лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры.

Исходя из материалов, опубликованных С.А.Плетневой [4; 2; 18 и т.д.], А.З.Винниковым [50], Г.Е.Афанасьевым [51; 5] и др. можно констатировать, что жилища на исследованных археологами селищах лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры VIII-X вв. представлены разнообразными и разнотипными постройками: так называемыми “юртообразными”, углубленными в материк; наземными, слегка углубленными в материк; полуземляночными – с очагом посредине или печкой, расположенной в углу; жилищами с конструкцией, промежуточной между полуземлянкой и наземной постройкой. Все эти постройки, по мнению С.А.Плетневой, являются отражением определенных эволюционных этапов в развитии жилища у населения, идущего по пути от кочевания к оседлости [4, с. 70]. Однако, как отмечает тот же автор, пока нет данных для установления хронологических этапов развития жилища. Все названные выше типы жилых построек как Дмитриевского поселения, так и Маяцкого селища, по всей видимости, сосуществовали. Одни из них – “юртообразные”, являлись, по мнению С.А.Плетневой и А.З.Винникова, отражением каких-то кочевых традиций в жизни аланского населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, другие – полуземлянки, по представлениям тех же авторов, являются свидетельством оседлости основной массы населения.

Кроме относительной хронологии построек разного типа, существовавших, как было отмечено выше, одновременно, идею об эволюции салтовских жилищ из “юртообразных” в полуземляночные или наземные стационарные постройки опровергает внимательное изучение конструктивных особенностей самих т.н. “юртообразных” построек. В классическом понимании этого термина юрта – это сборно-каркасное жилище, состоящее из плетеной или решетчатой основы, жердей, подпирающих кровлю и войлочного (либо какого-то иного, например, из шкур или тканей) покрытия [52; 53]. Подобные юрты появляются у кочевников Евразии уже в период существования тюркских каганатов в VI-VII вв. Следовательно, в хазарское время такой тип жилища был хорошо известен кочевникам, в том числе и тем, что обитали в степях Восточной Европы. Такая юрта не оставляет следов в культурном слое, и ее конструкция не может быть прослежена археологически. Как совершенно верно отметил В.С.Флеров, “юртообразные” постройки в строгом смысле слова юртами конечно же не

являются [54, с. 6]. Судя по наличию во многих из этих построек котлованов, постоянных очагов, столбов, являвшихся основой конструкции стен, поддерживавших кровлю и врытых в материк на несколько десятков сантиметров, эти жилища однозначно относятся к числу стационарных. Вероятно, у алан в период их жизни в предгорьях Кавказа такой тип постройки выполнял функции временного жилища на отгонных пастбищах или был местом обитания бедных семей⁵.

Наиболее ярким примером, где подобные жилища могут быть связаны с местом обитания (зимником) представителей кочевой (тюрко-болгарской или собственно хазарской) родовой группы, является Правобережное Цимлянское городище. Однако, этот памятник находится в степной зоне и не может быть напрямую связан с лесостепным вариантом СМК. В то же время существование подобных зимовок и наличие на них стационарных жилищ совсем не обязательно свидетельствуют о процессе оседания кочевников. Богатый представитель кочевого подразделения – бай или хан, был типичным кочевником. Вся организация жизни его аила, состав стада, маршрут перекочевков, менталитет и этнопсихология представителей кочевого группы были сформированы в условиях кочевого хозяйства и направлены на поддержание его стабильности. Большую часть года эти кочевники проводили на степных и лесостепных маршрутах, выпасая свои стада и только зимой, когда подвижный образ жизни был невозможен, останавливались на стационарных зимниках в поймах рек или на берегах морей. Весной, как только начинал таять снег, они возобновляли свое кочевание, которое продолжалось до поздней осени. Иначе вести кочевое хозяйство в условиях Восточной Европы, с ее холодными зимами и обильными снегопадами, было просто невозможно [55].

В целом изучение хозяйственных построек лесостепных памятников салтово-маяцкой культуры, опубликованных археологами [4, с. 65-67; 2, с. 44-60; 18, с. 24-36; 50, с. 124; 5, с. 65-79], также свидетельствует о том, что оставившее их население имело достаточно долгие традиции оседлой жизни и устойчивые строительные навыки. Постройки весьма разнообразны, но при этом делятся на ряд вполне устойчивых типов, имеющих свои особенности как по форме и конструкции, так и по функциональному назначению. Именно разнообразие и специализация функций раскопанных построек указывают на сложность и развитость хозяйственной деятельности, на высокий уровень развития традиционной строительной культуры, обеспечивавшей население салтовских

⁵ Наиболее скептическое, хотя оправданное только в применении к аланскому варианту распространения салтово-маяцкой культуры, отношение к выделению юртообразных построек высказал Г.Е. Афанасьев [51, с. 40-52]. У него же вызывало сомнение определение отдельных построек Маяцкого городища и как юртообразных, и как жилых. В частности, по его мнению, наземная постройка № 1, которую С.А. Плетнева считала юртой, не имеет очага и вообще не может считаться жилой [5, с. 74].

памятников удобными и надежными постройками для содержания скота, хранения инвентаря, зерна и иных продуктов питания, выполнения ремесленных работ и т.д. Это подтверждает выводы археологов о существовании у носителей лесостепного варианта СМК комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, включавшего в себя пашенное земледелие и придомное скотоводство со стойловым, по крайней мере, в зимнее время, содержанием скота [12]. Изучение хозяйственных построек, в частности гончарных мастерских, позволяет говорить о процессе выделения и специализации отдельных ремесел, в первую очередь, гончарного, происходившем среди населения салтовской культуры. Все это в очередной раз указывает на то, что оседание (седентаризация), в данном случае для основной части населения лесостепи, не было тем фактором, который объясняет проходившие там социальные, экономические и культурные процессы.

В этом отношении весьма показателен анализ раннесредневековых юртообразных построек Восточной Европы, проведенный В.С.Флеровым [54]. В этой работе, интересной и очень важной для понимания этнокультурной ситуации, сложившейся на границе между степью и другими регионами (лесостепью, горами) в хазарское время, собраны и описаны практически все доступные для изучения постройки такого типа. Заслуживает внимания терминологическая точность автора, поскольку все рассмотренные жилища – это именно юртообразные постройки, а не юрты. Они не имели решетчатого каркаса и носили стационарный характер. Также очевидно, что такие постройки могли быть только переходным типом жилья, возникающим в разных местах у оседающих кочевников при особых обстоятельствах и в особом этнокультурном окружении. Отсутствие выработанных строительных стандартов и навыков, безусловно, влекло за собой и существенное воздействие субъективного фактора, личных представлений владельцев о будущей конструкции постройки. На данный момент археологические характеристики особенностей юртообразных построек, предложенные В.С.Флеровым, представляются практически исчерпывающими [54, с. 57-60]. В то же время, на основе введенных им в научный оборот материалов, можно попытаться также реконструировать и социальные процессы, приведшие к оседанию кочевников и появлению тех или иных известных археологам юртообразных построек. Как представляется, эти процессы могли иметь разную природу, были обусловлены различными причинами и историческими условиями. Имел место не единый процесс “великого оседания” [54, с. 59], а ряд локальных оседаний, проявления которых должны дифференцироваться. Общий взгляд на все описанные в работе В.С.Флерова юртообразные постройки позволяет говорить как минимум о трех различных социальных (в широком смысле) процессах, результатом которых стало появление юртообразных жилищ на территории Восточной Европы от Волги до Дуная. Первый, наиболее очевидный, наблюдается в Дунайской Болгарии, после переселения туда орды Аспаруха. Второй, как

представляется, имел место у общин, подобных той, что проживала на Правобережном Цимлянском городище. Третий, представлен на широкой территории вдоль границы степи и лесостепи от Дона до Днепра, зафиксирован археологами в предгорьях Крыма и Северном Причерноморье.

В первом случае оседание было обусловлено военным поражением протоболгар орды Аспаруха от хазар, тем, что они покинули степи и были вынуждены поселиться в новых для них условиях среди оседлого славянского населения. Кочевать было негде, большая часть скота была потеряна во время бегства от хазар, когда не было возможностей для осуществления полноценного выпаса животных. В результате протоболгары *вынужденно* переходят к оседлым образу жизни и формам хозяйства. Следует подчеркнуть, что, не смотря на это, на территории Добруджи еще около ста лет (четыре поколения!) сохраняются остатки кочевых традиций [56, с. 213]. Очевидно, что говорить о закономерном, связанном с существовавшими в кочевом обществе внутренними предпосылками, характере оседания здесь не приходится.

Во втором случае, вероятно, речь идет о зимнике относительно небольшого кочевого подразделения, располагавшемся на территории Правобережного Цимлянского городища. Этнографические параллели свидетельствуют о том, что на зимниках, помимо временных юрт, вполне могли существовать и долговременные стационарные жилища с характерными для кочевников особенностями архитектуры, что хорошо прослежено С.А.Плетневой и В.С.Флеровым на Правобережном Цимлянском городище⁶. Казахские баи и ханы в XVIII–XIX вв. оставляли на зимниках зависимых работников – “младших родственников”, которые не имели своего скота и поэтому не могли кочевать самостоятельно. В течение года они жили на зимнике, поддерживали в порядке находившиеся там постройки, собирали топливо, заготавливали на зиму корм для молодняка, иногда занимались земледелием или рыбной ловлей. При этом хозяйственно-культурный облик всей группы, которой принадлежал данный зимник, оставался сугубо кочевым, а оседлость вызывала только презрение. При первой же возможности находившийся на зимнике работник с радостью возвращался к кочевому образу жизни [57]. В данном случае ситуация усугублялась наличием крепости, возведенной по приказу хазар какими-то гораздо более профессиональными строителями, нежели ее обитатели. Данное кочевое подразделение, по всей видимости, несло военную службу, связанную, скорее всего, с контролем над речным путем по Дону. Необходимость постоянного

---

⁶ Возможно, что отмеченное В.С.Флеровым изобилие лунок и ямок на полу юртообразных жилищ Правобережного Цимлянского городища [54, с. 16-18], является признаком кочевой жизни их обитателей, которые ежегодно, возвращаясь в конце осени после перекочевки на зимник, вновь обустроивали и подправляли свои зимние дома, меняли или укрепляли опоры стен и кровли, вновь устанавливали требующие специальной опоры предметы интерьера (трехногие столики, лежанки и т.д.).

пребывания кочевников в крепости (гарнизона и, вероятно, членов их семей) могли стать причиной вынужденного и временного оседания. Говорить о закономерном процессе седентеризации и здесь, по всей видимости, не приходится.

Самым сложным для объяснения представляется третий случай. Речь идет о том, что в разных местах Восточной Европы, как правило, на границе степей, в лесостепи или предгорьях, начиная примерно с конца VII и, примерно, до середины IX в. появляются следы перехода кочевников к оседлому, или полuosедлому образу жизни. Следы эти достаточно малочисленны. Если говорить об общепризнанном центре седентеризации в хазарское время – Подонье-Придонечье, то здесь обнаружено, за исключением уже рассматривавшегося Правобережного Цимлянского городища (49 построек), удивительно мало юртообразных жилищ (если не считать Саркела⁷), не более двух десятков [54, с. 8-27], которые и являются наиболее важным свидетельством оседания⁸. Как правило, это единичные постройки, расположенные на памятниках, оставленных какими-то иными, явно оседлыми группами населения – антами, славянами, аланами, возможно, зихами-сугдеями и т.д. Даже если предположить, что не все уже раскопанные постройки опубликованы, и что со временем их будет известно гораздо больше, все равно их количество явно не соответствует тем масштабам “великого оседания”, которые предполагаются в этом регионе.

Таким образом, исходя из археологических данных, можно говорить о том, что оседают отдельные семьи или очень небольшие родовые группы. Они, судя

⁷ Анализ юртообразных построек Саркела, так же как и причин оседания оставившего их населения, связан с решением проблемы возникновения городов в кочевых государствах, подобных Хазарскому каганату. Эта задача выходит за рамки настоящей работы и требует отдельного исследования. Можно только предположить, что и в Саркеле строили юртообразные жилища и оседали лишенные возможности заниматься скотоводством обедневшие кочевники.

⁸ Появление стационарных грунтовых могильников, как представляется, далеко не всегда может рассматриваться в качестве признака оседлости оставившего их протоболгарского населения. Такой вывод может быть сделан только после комплексного изучения могильника и связанного с ним селища. Сами по себе могильники могут быть следами обитания и собственно кочевых групп. Факт их возникновения свидетельствует только о том, что кочевники достаточно хорошо освоили данный регион, что у них существовали определенные маршруты кочевания и пункты остановок, которые, при условии сохранения мира в степи, а так и было в хазарское время до появления венгров и печенегов в междуречье Днепра и Дона, могут не меняться на протяжении жизни нескольких поколений. Наиболее важными для любых кочевников были места зимников, здесь они, в условиях Восточной Европы, проводили от трех до четырех месяцев в году, здесь они могли устраивать и свои некрополи. Если кочевник умирал вдали от зимника во время сезонных перекочевок, его могли несколько месяцев возить по степи, для того, чтобы похоронить на родовом кладбище. Такой обычай зафиксирован, например, у казахов еще в XVII–XVIII вв. Часто и вещевой материал могильников свидетельствует о сохранении кочевой культуры и кочевого образа жизни (Нетайловский могильник, могильник у села Красная Горка, Сухая Гомольша и т.д.).

по данным археологии, как правило, очень бедны, находятся на уровне элементарного воспроизводства собственной жизни и хозяйства (минимум находок, простая лепная керамика в заполнении построек, бедные погребения). Если использовать этнографические параллели, то подобное оседание, как уже отмечалось выше, связано с потерей скота отдельными кочевыми семьями (в силу разных причин – джуг, эпизоотия, баранта) и, соответственно, с утратой возможности вести кочевой образ жизни. Подобное перманентное оседание обедневших кочевников на границах степей было результатом своего рода естественного отбора в экстенсивном кочевом скотоводстве и никогда не вело к оседанию всего этноса, большинство представителей которого продолжало успешно вести кочевое хозяйство. Для таких кочевых групп подобное оседание так же носит вынужденный характер. Как только представится возможность, они готовы вернуться к кочеванию. Такой возможностью, как правило, была война, участие в успешных набегах на кочевых соседей или оседлые государства. В условиях хазарского господства положение зависимых протоболгарских кочевых групп в степи между Доном и Днепром, усугублялось, по всей видимости, натуральным налогом скотом и военной повинностью (не зря в качестве собственно хазарских товаров, продававшихся в Итиле, арабские авторы называют, помимо рабов именно скот – быков и овец), необходимостью принимать участие в военных действиях хазар, не получая за это никакого вознаграждения. Не случайно, как только политическая ситуация в степи изменилась, с середины IX в. оседание протоболгар прекращается и они, по всей видимости, вливаются в состав сначала венгерских, а затем и печенежских кочевых групп. Какая-то часть протоболгар и в период хазарского господства, и после прихода печенегов, сохраняет собственное племенное устройство и военный потенциал. Именно она, по всей видимости, фигурирует в письменных источниках как Черная Булгария, которая в середине X в. была в состоянии самостоятельно “воевать хазар” [33, с. 53].

Наиболее устойчивое и массовое оседание протоболгар наблюдается в Восточном Крыму и предгорьях крымских гор [7; 13; 1]. Здесь, вероятно, имели место две основные причины, приведшие к такому положению дел. Во-первых, как и в Дунайской Болгарии, оседали кочевники, вытесненные хазарами со своих земель или бежавшие от арабской угрозы, лишенные привычных мест кочевания и скота. Во-вторых, нельзя исключить и целенаправленной политики хазарского правительства, заинтересованного в создании более прочной базы своего господства в Крыму, как военной, так и экономической. Не зря после поражения восстания Иоанна Готского протоболгары начинают селиться в Крымской Готии. В любом случае оседание и здесь носит, по крайней мере, первоначально, вынужденный характер, обусловленный внешними причинами.

Важным показателем, позволяющим продолжить сравнительный анализ обозначенных в названии работы регионов – Крымской Готии и Северо-Западной

Хазарии, является уровень развития общественного устройства их населения. Изучение общей планировки салтовских поселений, а также планировок отдельных усадеб позволило Г.Е.Афанасьеву [5] произвести реконструкцию размеров и форм семьи носителей лесостепного варианта СМК. На салтовских поселениях был распространен только один вид планировки – неупорядоченная планировка хуторского, или, по другому, гнездового типа. Усадьбы, состоявшие из нескольких жилых и хозяйственных построек, располагались неподалеку друг от друга (от нескольких десятков до нескольких сотен метров) на наиболее удобных для жилья местах – на небольших возвышенностях, у источников воды. Каждый владелец такой усадьбы, по всей видимости, глава большой патриархальной семьи или большесемейной общины типа патронимии, самостоятельно выбирал себе место в пределах поселения и застраивал его всеми необходимыми постройками. Никакой закономерности во взаимном расположении усадеб, как правило, не наблюдается. Даже застройка окруженных оборонительными сооружениями участков – Правобережное Цимлянское городище, “цитадель” Маяцкого городища – лишена какой-либо упорядоченной планировки и по своему характеру напоминает застройку неукрепленных селищ. Все это свидетельствует о сохранении еще очень сильных пережитков родоплеменных отношений у носителей СМК.

Можно предположить, что общественные отношения здесь находились на каких-то стадиях развития племенного строя, когда он только начинал трансформироваться в сторону раннеклассовых отношений под воздействием общей ситуации складывавшейся в Хазарском каганате (наличие центрального правительства, прикаспийских городов, транзитной торговли, налогообложения и т.д.). Вероятно, формированию раннефеодальных отношений и сложению территориальной общины, состоящей из малых или парных семей, во многом препятствовали традиции существования большой семьи у алан, консервировавшие архаичные типы общественных отношений, несмотря на все внешние изменения жизни и культурного окружения.

Аланы еще в свою бытность на Северном Кавказе имели устойчивое родоплеменное устройство, стабильное, консервативное, освещенное традицией. Сложные ритуалы инициации, зафиксированные археологами на материалах катакомбных могильников, свидетельствуют о тех трудностях, которые должны были испытывать представители других этносов при проникновении внутрь такого общества, сложностях в получении ими полноправного социального статуса. Как правило, представители других этносов, проживавшие на территории аланских общин, были неравноправны в социальном отношении. На материале могильников можно говорить о существовании института домашнего рабства, погребенных высокого социального уровня сопровождают посмертные жены и дети челядинцы [2; 18]. В то же время, отдельные представители протоболгар,

вероятно, все же поселяются рядом с аланами, и постепенно смешиваются с ними [2, с. 173-267].

Протоболгары, в отличие от алан, уже в период переселения в Подонецье в силу отмеченных выше перипетий их истории, были неоднородны в этническом отношении. Именно они, вероятно, являлись в Подонье-Придонецье наиболее активным этнонивелирующим элементом. Отдельные протоболгарские роды несли в себе иранские, тюркские, угорские компоненты, проявляющиеся, прежде всего, в чертах погребального обряда [9]. Эти группы в лесостепи бассейна Северского Донца и Дона постепенно, с конца VIII – начала IX в. создают территориальные общинные поселки или кочевья. Принцип формирования таких поселков, по всей видимости, зависел от характера общины, ее места и функций в системе регионального управления, организованного хазарами, конкретного места расположения. Так, на пограничье со славянами, ближе к лесостепи, вероятно, актуализировался военно-территориальный принцип, характерный для любых военных поселенцев и существовавший у соседних алан. Южнее, в степи мог сохраняться другой, аильный принцип организации общества, типичный для кочевников в мирное время или характерный для подчиненного кочевого или полукочевого населения.

В Среднем Подонцовье, ближе к степи и в самой степи, в отличие от верхнего Придонецья, в численном отношении, по мнению К.И.Красильникова, преобладают болгары. Как отмечает исследователь, этническая ситуация здесь характеризуется смешанностью этнокультурных и погребальных традиций, включавших в себя 4-5 этносов: протоболгар, основное ядро населения в этом регионе, алан, возможно, в какой-то степени, славян и тюрков [22, с. 320]. Интересно, что протоболгарское население, оставившее лесостепные могильники, как правило, было хорошо вооружено, консолидировано, стратифицировано в социальном и военном отношении. Население степи выглядит беднее, менее вооружено, вероятно, лишено тех военно-пограничных функций, которые были у жителей лесостепи и в большей степени зависимо от хазар.

По всей видимости, влияние аланских родоплеменных традиций организации общества, близкое соседство чуждого восточнославянского населения, против которого была организована экспансия хазар, проводившаяся силами алано-болгар, стимулируют постоянное воспроизводство родоплеменного строя в лесостепи, образование новой консолидированной родоплеменной системы. Появление характерных для алан типов инвентаря на могильниках с некатакомбным обрядом погребения (с трупосожжением и ямных) объясняется определяющим культурным воздействием алан на население региона; достаточно высоко развитым материальным производством – ремеслом, организованным на аланских поселениях. Их культура, как уже отмечалось выше, воспринятая более многочисленными протоболгарами [4, с. 185; 18, с. 24; 5, с. 151], и стала

салтово-маяцкой культурой. В этих условиях военизированное алано-болгарское население лесостепи, так же как и алано-готы Горной Таврики, с успехом занимается комплексным сельским хозяйством, в котором фиксируется пашенное земледелие, придомное скотоводство, виноградарство, рыбная ловля [12; 1; 30]. Несмотря на наличие импорта, основной состав инвентаря (керамика, орудия труда, оружие, сбруя, украшения) этих военных поселенцев местного происхождения. К привозным предметам в Северо-Западной Хазарии относятся только тарная керамика – амфоры, баклаги, ойнохои; бусы из стекла и сердолика, арабские монеты [2; 4; 12; 18 и т.д.].

Очевидно, что различия между Готией и Северо-Западной Хазарией, связаны и с тем, что алано-готы Крыма находились на границе с высокоразвитой византийской цивилизацией. Тем не менее, консерватизм общественных отношений и этническое самосознание достаточно долго препятствовали полной нивелировке культуры, подавлению особых культурных признаков, окончательному распространению византийской материальной культуры. Напротив, алано-болгары Подонья-Придонечья находились на границе с восточнославянскими племенами – данниками хазар, и выполняли, по крайней мере до конца IX в. (поход Олега на радимичей и северян), функцию сборщиков дани, пограничных карательных-оборонительных войск [58]. Их культурный и социально-экономический уровень до определенного времени, примерно до середины – конца IX в. был выше, чем у окружающего восточнославянского населения.

Вероятно, ту систему социально-политических отношений, которая сложилась в это время у населения Подонья и в Крымской Готии, можно определить термином – “вождество” [5, с. 152; 59]. С одной стороны этот термин соответствует тому состоянию общества, когда в нем выстраивается уже достаточно сложная иерархия власти, налицо социальная стратификация, обусловленная положением человека в военно-родовой системе и проявляющаяся археологически в погребальном обряде (конструкция и размеры погребальных сооружений, инвентарь). С другой стороны, это социальное разделение и эта иерархия носят еще сугубо традиционный характер, развиваются в рамках реального и вполне эффективного существования, а также номенклатуры племенного строя. Наиболее полную и обоснованную реконструкцию системы социальной стратификации, отражавшей одновременно традиционную военно-иерархическую структуру аланского общества лесостепного Подонья-Придонечья, предложил Г.Е.Афанасьев. По его мнению, аланы Подонья делились на две основные социальные группы – алдар и асфад, первые представляли собой военную верхушку – “князей”, вторые – рядовое войско [5, с. 50]. Но принадлежность к воинской верхушке, судя по материалам катакомбных погребений, еще не

была или не всегда была наследственной и во многом место человека в обществе зависело от его индивидуальных качеств [60], воинских подвигов и доблести⁹. Подобная ситуация сохраняется в течение всего времени существования салтово-маяцкой культуры, около 150–200 лет, что также подтверждается результатами исследований катакомбных могильников, в частности Дмитриевского [2, с. 168-172].

Основной социальной единицей таких обществ являются большие семьи [5, с. 78-79]. Малые, или нуклеарные семьи могут существовать как в составе больших, так и отдельно, но их полное выделение носит временный характер. В благоприятных условиях выделившиеся семьи проявляют тенденцию к укрупнению и воссозданию новых больших семей. Выделение малых семей отражает, скорее, появление проблем между родственниками, нежели изменения в общепринятой форме семейных отношений. Видимо, в суровых условиях раннесредневековой Восточной Европы, выжить и сохранить определенную семейную, родовую и этническую идентичность, можно было только при такой форме отношений. В условиях различных военно-политических и экологических стрессов, массовых миграций и ассимиляционных процессов, большая семья была эффективнее малой и являлась гарантом некоторой защиты от внешнего мира для своих членов. В традиционной военной организации многих народов Евразии 2-3 подобные семьи, вероятно, были эквивалентом таких боевых единиц, как десятки.

Следующей единицей общественной структуры алано-болгар Подонья-Придонецья и алано-готов Крыма была территориально-родовая община. Она состояла из нескольких больших семей иногда разного этнического происхождения, но имела тенденцию к регенерации родового, родственного принципа внутренней организации. И у жившего оседло на границах степей населения, и у кочевников Евразии принцип кровнородственности или, когда это было невозможно, псевдокровнородственности [61, 46; 62, с. 127], был одной из основ общественной организации. Этот принцип обеспечивал монолитность и жизнеспособность как старых общин, принявших в свой состав иноэтнические элементы, так и новых, составленных из осколков различных родовых групп, выживших после очередных войн и переселений. Общность евразийских культурных традиций, постоянные смешения разных кочевых

---

⁹ Следует отметить, что такое деление было отнюдь не уникальным явлением, характерным только для алан Северного Кавказа и Подонья. Подобное деление на два социальных слоя – войско и военные вожди-предводители, существует практически у всех кочевников Евразии вплоть до нового времени. На основе изучения археологических материалов, полученных в ходе раскопок ямных могильников, можно предположить существование подобного общественного устройства и у протоболгар, что, очевидно, и облегчило процесс консолидации алано-болгар Подонья-Придонецья. Вероятно, это сходство усиливалось благодаря совместному несению пограничной службы на северо-западе Хазарии.

этносов, регулярно наблюдавшиеся после гуннского нашествия, обеспечивали быструю консолидацию таких общин, появление общекультурных признаков, постепенную нивелировку различий в погребальном обряде. Важно было противопоставить внутреннее единство общины перманентной агрессии извне. Этнопсихологическим императивом такого единства был общий культ мужчины-воина (в лесостепном Подонье – воина-всадника), защитника, который с детских лет готовился к выполнению этой главной жизненной функции. Не зря и стратификация общества, и половозрастная структура отражала положение каждого мужчины (юноши, мальчика) в военной иерархии. В отличие от Западной Европы или от лесной зоны Восточной Европы, где функцию защиты (впрочем, также одновременного подчинения и порабощения) общества (отдельно взятых сельских общин) взяли на себя профессиональные воины – дружина (иногда иноэтничного или смешанного происхождения, например варяги), в подобных общинах, несмотря на оседлость, сохраняется кочевнический принцип – каждый мужчина – воин, и даже женщины часто носят оружие.

В результате длительного совместного проживания, браков, псевдокровнородственные отношения в таких общинах со временем, через одно-два поколения, снова приобретают характер кровнородственных, усиливая их единство и чувство взаимоидентичности их членов. Все это позволяет выжить, не дать покорить себя врагам, не ассимилироваться в сложной и постоянно меняющейся ситуации Восточной Европы второй половины I тыс. н.э. Как отмечает Н.Н.Крадин “в предклассовых и раннеклассовых обществах война была своеобразной формой естественного отбора наиболее сильных и централизованных коллективов и незаурядных личностей...” [63, с. 199].

Общинный характер жизни длительное время сохраняется и в горном Крыму. По мнению А.Л.Якобсона, есть основания предполагать, что земледельческие поселки Таврики VIII–IX вв. – как восточной, так и западной – также представляли собой соседские общины с еще независимым, не закрепощенным населением. На это, по его мнению, косвенно указывает глубокая традиционность в Крыму общинного строя, к которому уже в позднее средневековье, в XVI–XVII вв., постепенно оседая, приобщились и татары [7, с. 32]. В военной организации условным эквивалентом таких общин были сотни (по крайней мере, масштабы сотни – двух-трех сотен, вполне соответствуют размерам таких погребальных памятников как Сухая Гомольша, Красная Горка, Нетайловка).

Несколько подобных общин, объединенных под властью одного вождя, военного предводителя, бека, образуют так называемые “простые вожества” [59]. Археологическим эквивалентом подобных простых вожеств как в Подонье-Придонечье так и в Крымской Готии были, по всей видимости, отдельные городища-крепости или взаимосвязанные территориально и социально группы крепостей, с окружавшими их посадами и селищами. Для Горного Крыма это

Чуфут-Кале, Эски-Кермен, до установления хазарской системы правления – Мангуп [1; 30]. Для лесостепного Придонецья это Верхнесалтовское городище с округой, Маяцкий комплекс и другие, по терминологии Г.Е.Афанасьева – “микрорегионы” [5, с. 109-117], центрами которых являлись те или иные укрепленные пункты. Простые вождества отличались по размерам занимаемой территории, количеству входивших в них общин и численности населения, поэтому в военном отношении они могли быть эквивалентом таких единиц как сотня (например, Дмитриевский комплекс), и (или) тысяча (например, Верхнесалтовский комплекс).

Насколько известно по данным письменных источников, в Крымской Готии в хазарское время все население было объединено под властью одного вождя (архонта, правителя), находившегося в Доросе-Мангупе. Таким образом, здесь возникло так называемое “сложное вождество”, которое представляло собой иерархически организованные группы нескольких простых вождеств (архонтий). Для лесостепного Подонья-Придонецья таких данных в письменных источниках нет. По аналогии с Крымской Готией можно предположить, что и здесь, в хазарское время, с целью обеспечения удобства управления, налогообложения и мобилизации алано-болгарского населения, центральная хазарская власть могла назначать “главных” вождей – правителей более крупных объединений, состоявших из нескольких вождеств. В силу того, что в этом регионе алано-болгары проживали не компактным единым массивом, а разделялись на три группы, занимавшие бассейны верхнего течения рек Северский Донец, Оскол и Тихая Сосна, каждой из которых соответствуют археологические памятники разных типов – городища, селища, могильники [18; 5; 12], здесь могло возникнуть несколько относительно небольших сложных вождеств. Основной причиной разделения салтово-маяцкого лесостепного населения на три неравные группы – возможно сложные вождества, была, как представляется, естественная география региона, наличие удобных для расселения долин рек, которые были освоены аланскими группами разного (пестрого?) родоплеменного происхождения. Водоразделы этих рек, не заселенные и использовавшиеся, по всей видимости, для выпаса скота, служили своего рода естественными границами отдельных сложных вождеств. Пока нет достаточных оснований, а таковыми могут быть только данные письменных источников, для того, чтобы связывать это деление с традиционной для индо-иранцев концепцией троичности общества [5, с. 152]. Нет оснований и для того, чтобы говорить о том, что весь регион находился под властью какого-то одного вождя и связывать с его пребыванием тот или иной памятник (Каганово городище [4] или Верхнесалтовское городище [5]). Вероятно, после изгнания хазар из Крыма и Крымская Готия вновь потеряла свою политическую целостность, разделившись на несколько, управлявшихся своими “архонтами” простых и сложных вождеств, которые могут

быть приурочены к округам тех или иных наиболее крупных крепостей, располагавшихся в Горном Крыму.

Военными эквивалентами таких отдельных сложных вожеств, в зависимости от их размера были тысяча (и) или тьма (десять тысяч). По данным Прокопия Кесарийского Крымская Готия в VI в. могла выставить три тысячи отборных воинов. В хазарское время, по мнению крымских археологов [13; 1], населенность этого региона возрастает и, вероятно, уже может соответствовать тьме (пять–десять тысяч воинов, соответственно, по пропорции, принятой для подобных кочевых или близких к кочевым по общественному устройству и традициям групп населения – всего 25–50 тысяч жителей). Воинский потенциал Северо-Западной Хазарии трудно оценить даже приблизительно в силу отсутствия достоверных и полных палеодемографических данных. Можно, основываясь на общем количестве открытых в этом регионе памятников (около 300, хотя точных данных о их площади, заселенности и единовременности нет, поскольку ни один из них не раскопан и не опубликован полностью), только предположить, что, вероятно, он находился в пределах тьмы и мог составлять от 5 до 15 тыс. человек. Даже если взять за основу меньшую цифру (5 тыс.) становится очевидным, что такого организованного и хорошо вооруженного контингента было вполне достаточно для контроля за соседними восточнославянскими племенами, по крайней мере, до их объединения под властью Древнерусского государства.

И лесостепное Подонье-Придонечье, и Крымская Готия входили в состав более сложного социально-политического организма, кочевнической политики – Хазарского каганата. Н.Н.Крадин предлагает подобные образования называть “суперсложными вожествами”. По его мнению, принципиальным отличием последних является появление механизма наместников, которых верховный вождь посылал управлять региональными структурами. “Это не сформировавшийся аппарат государственной власти, поскольку количество таких лиц невелико. Однако это важный структурный импульс к последующей интеграции” [64, с. 22-23]. Следует отметить, что наличие института подобных наместников – тудунов, документально зафиксировано для территорий, входивших в состав Хазарского каганата. В то же время термин “сложное вождество”, несмотря на то, что его смысловое наполнение соответствует хазарским реалиям, и что он логически продолжает ряд вождество – простое вождество – сложное вождество, представляется несколько механистичным и громоздким. Условно он, видимо, может быть принят, но только для самых общих характеристик. Для определения образования государственного типа, созданного хазарами, как представляется, гораздо больше подходит исторически оправданная дефиниция “каганат”. Использование этого термина предполагает наличие всех тех системных признаков сложного вождества, которые выделены

Н.Н.Крадиным и, в то же время, позволяет апеллировать к конкретно историческим реалиям Хазарии (так же как и обоих Тюркских каганатов, Аварского и т.д.).

Наличие многочисленных наместников – тудунов как в Готии в частности, так и в Крыму в целом – в Херсоне, Мангупе, Сугдее, Фулах (Тепсень, по А.И.Айбабину), Керчи, на противоположном берегу Керченского пролива – в Фанагории и Самкерце–Таматархе, свидетельствует о сложившейся в Хазарском каганате общепринятой для разных групп населения системе управления. Вероятно, можно предположить наличие сходной системы управления и в лесостепном Подонье-Придонечье. Подобное предположение оправдано, помимо общеизвестного факта вхождения этого региона в состав Хазарского каганата, проведенным выше сравнительным анализом общественного устройства Крымской Готии и Северо-Западной Хазарии. Как представляется, отмеченные выше группы салтово-маяцкого населения – сложные вожества, соответствующие территориально бассейнам трех основных рек региона – Верхнего Донца, Оскола и Тихой Сосны, могли контролироваться, по меньшей мере, тремя тудунами. В обоих исследуемых регионах тудуны осуществляли политику центрального хазарского правительства, которая заключалась, прежде всего, в обеспечении покорности подвластного населения. В их функции входил также сбор налога (дани), вероятно, натурального – сельхозпродуктами и вином (последнее характерно для Готии [30, с. 32], хотя виноделие известно и в Придонечье [12]). Кроме того, можно предположить, что тудуны контролировали выполнение этим населением военно-пограничных функций (в хазарское время более характерно для Придонечья, хотя не исключено и для Готии) и проводили мобилизацию военных контингентов местного населения для ведения военных действий там, где это было необходимо (восточнославянские территории, Северный Кавказ, Поволжье? и т.д.).

Конкретные цели, которые преследовало центральное хазарское правительство в названных регионах отличались и зависели от местных условий. Так для Крыма, безусловно, наиболее важным фактором были взаимоотношения с Византией – политические, военные, религиозные, торгово-экономические. Для Придонечья, видимо, особую роль имело обеспечение данничества восточнославянских племен, контроль за движением варягов по Дону и Донцу, а с конца IX в. охрана северо-западных рубежей государства от проявлений активности древнерусских князей – Олега, Святослава [40, с. 150, 168]. В обоих случаях, вероятно, важную роль играло, по аналогии с другими кочевыми империями и государствами, получение продуктов оседло-земледельческого производства – зерна, вина, керамики, кузнечных и ювелирных изделий. В то же время трудно предположить, что эксплуатация обоих регионов была чрезмерной. Во-первых, хорошо вооруженные и прекрасно обученные воины, традиционно организованные в боевые единицы, скрепленные родовыми связями, были не

самым лучшим объектом для угнетения. Сохранение высокого уровня вооруженности населения Северо-Западной Хазарии на протяжении всей ее истории свидетельствует о том, что скорее именно военная служба была той основной повинностью, которую требовали хазары от алано-болгар Подонья–Придонечья. Во-вторых, отмеченный археологами рост населения и увеличение числа поселений, расцвет экономики, ремесел в хазарское время не были бы возможны в условиях чрезмерного угнетения и эксплуатации.

Покорность вождей местных “сложных вождеств” обеспечивалась, во-первых, не только сохранением старой родоплеменной аристократии, но и ее полноправным включением в состав правящего слоя (эля) каганата [65, с. 111-115; 66, с. 217-219; 67, с. 119-120]. Во-вторых, в случае попыток добиться полной независимости отдельными регионами предпринимались карательные походы хазарской армии (примером тому может служить подавление восстания Иоанна Готского) [24] или союзных хазарам племен (например, случай с выступлением “царя алан”, описанный в Кембриджском анониме) [35, с. 141]. В-третьих, военно-политическая стабильность обеспечивалась наличием хазарских военных гарнизонов на территории покоренных племен (Керчь, Мангуп, вероятно, Сугдея [1, с. 208-209; 30, с. 33], Саркел [33, с. 171], возможно, судя по граффити на стенах крепости – Маяцкое городище). В-четвертых, – чересполосным расселением более преданных хазарскому правительству, иноэтничных для основных жителей региона кочевых или полукочевых военизированных групп (возможно, эквивалентом таких поселенцев для Крымской Готии являются археологические памятники протоболгар, для Придонечья – отмеченные выше могильники типа Нетайловки и Красной Горки). Наконец, в-пятых, покорность обеспечивалась заключением принудительных или полупринудительных династических браков, когда дочери местных владетелей были обязаны выходить замуж за хазарского кагана (бека-царя?)¹⁰.

Крымская Готия избавилась от хазарского присутствия к концу IX в. в результате изменившегося в степи соотношения сил. Это не привело к улучшению положения ее населения, скорее наоборот, систематическое, но предсказуемое хазарское давление сменилось протекторатом Византии, которая ничего не могла противопоставить набегам венгров, а затем и печенегов. Окончательного и убедительного ответа на вопрос о том, как прекратила свое существование Северо-Западная Хазария пока не существует. “Венгерская”, “печенежская” и “древнерусская” гипотезы прекращения жизни на салтовских поселениях Подонья-Придонечья имеют многочисленные слабые стороны, неоднократно отмечавшиеся в специальной литературе, кроме того, они не соотносятся с конкретными археологическими памятниками (усредненные датировки, отсутствие

¹⁰ Ибн-Фадлан пишет: “...У царя хазар двадцать пять жен, причем каждая из них – дочь какого-либо царя соседних земель. Он берет их себе волей или неволей” [38].

следов погромов?). Не ясно, куда ушли носители СМК, если нет следов погромов, и они не были уничтожены, то где памятники, по которым можно зафиксировать их новые места расселения в более поздний период, какая материальная культура присуща им в это время. В любом случае очевидно, что судьбы носителей лесостепного варианта СМК – алано-болгар – были в гораздо большей степени связаны с судьбой Хазарского каганата, чем судьбы алано-готов Горного Крыма. Для последних хазарский период был одним из этапов их истории. Алано-болгары Придонечья существовали как этнокультурная и социально-политическая целостность только в рамках хазарского господства.

В заключение следует отметить, что проведенный сравнительный анализ двух входивших в состав Хазарского каганата регионов – Крымской Готии и Подонья-Придонечья – Северо-Западной Хазарии – позволил по новому взглянуть на протекавшие в них этнокультурные процессы (в частности, процесс седентаризации); помог охарактеризовать, в соответствии с современными научными представлениями, социальные структуры, существовавшие в хазарское время у алано-болгар и алано-готов; дал возможность сформировать более четкую картину региональной политики, осуществлявшейся центральным правительством Хазарии. Эта политика была систематичной, продуманной и достаточно эффективной. Ее целью было усиление экономической базы каганата и укрепление его границ. Следует еще раз подчеркнуть факт увеличения населения и расцвет разнообразных форм хозяйства, зафиксированный в обоих регионах в VIII-IX вв. Их обитатели отнюдь не были угнетены и не остановились в своем развитии, просто они предпочитали особые, освященные этнической традицией и доказавшие свою эффективность формы экономики и общественного устройства. Возможно, хазарскую историю можно рассматривать в качестве одного из наиболее интересных проявлений “кочевой альтернативы” [64] – развития народов юга Восточной Европы, более поздним вариантом которой являлось Крымское ханство с его полиэтничным населением, синтетической культурой и комплексной экономикой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
2. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
3. Аксенов В.С. Об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // Вісник Харківського державного університету. Харків, 1998. № 413.
4. Плетнева С.А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М., 1967.
5. Афанасьев Г.Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Бассейна Среднего Дона. М., 1993.
6. Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-западной Таврики // МИА. 1970. № 168.

7. Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973.
8. Михеев В.К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII–X вв. // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991.
9. Аксенов В.С., Тортика А.А. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–X вв.: Проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.
10. Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990
11. Пиоро И.С. Проблемы этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1989.
12. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
13. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
14. Артамонов М.И. История Хазар. Л., 1962.
15. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // МИА. 1958. № 62
16. Березовец Д.Т. Раскопки в Верхнем Салтове в 1956–1959 гг. // КСИА АН УССР. Киев, 1962. Вып. 12
17. Березовец Д.Т. Слов'яни і племена салтівської культури // Археологія. 1965. Т. 19.
18. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.
19. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
20. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
21. Михеев В.К. Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья (середина VIII – середина X вв.): Дисс. ... докт. ист. наук. Харьков, 1986.
22. Красильников К.И. Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья VIII – начала X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.
23. Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). Киев, 1997.
24. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2.
25. Васильев А.А. Готы в Крыму // Известия Российской академии истории материальной культуры. Л., 1927. Т. 5.
26. Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. №34.
27. Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
28. Веймарн Е.В. От кого могли защищать готов в Крыму "длинные стены" // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980.
29. Фирсов Л.В. О положении страны Дори в Таврике // Византийский временник. 1979. Т. 40.
30. Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский Альманах. Харьков, 2002. Т. 1.
31. Прокопий Кесарийский. О постройках / Пер. С.Кондратьева // ВДИ. 1939. № 4(9).
32. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора. М., 1980.
33. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Пер. Г.Г.Литаврина. М., 1991.
34. Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка X в. Л., 1932.
35. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 1997.
36. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с арабского Н.Велихановой. Баку, 1986.
37. Известия о хазарах, бургасах, балгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омара ибн-Дада / Пер. Д.Хвольсон. СПб., 1869.
38. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956.

39. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.). СПб., 1870.
40. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С.Лихачева. СПб., 1999.
41. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
42. Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
43. Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
44. Плетнева С.А. Кочевники средневековья: поиск исторических закономерностей. М., 1982.
45. Гадло А.В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий в VIII–X вв.) // Этнография народов СССР. Л., 1971.
46. Красильников К.И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // СА. 1981. № 4.
47. Тортика А.А. Евразийство в современной номадистике: возможности для использования в позитивном научном исследовании // Сходознавство. 2002. Вип. 17.
48. Тортика О.О. Проблема посідання кочівників та особливості її вирішення в радянський період розвитку історичної науки // Вісник Харківської державної академії культури. 2002. Вип. 10.
49. Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.
50. Винников А.З. Жилые и хозяйственные комплексы Маяцкого селища // Маяцкое городище (Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции). М., 1984.
51. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // Археологические открытия на новостройках. М., 1987. Вып. 2.
52. Нечаева Л.Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э. – первая половина II тыс. до н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
53. Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4.
54. Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.
55. Тортика А.А., Михеев В.К. Методика эколого-демографического исследования традиционных кочевых обществ Евразии // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2001. Вып. 15.
56. Флеров В.С. Рецензия: Дуранкулак. Т. 1. София, 1989 // РА. 1992. № 4.
57. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX вв.: Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971.
58. Тортика А.А. Восточнославянские племена Днепровского Левобережья, Подонья-Придонецья в контексте хазарской истории: этнополитическая модель взаимоотношений // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1.
59. Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.
60. Флеров В.С. К вопросу о социальном строе в хазарском каганате: по материалам Маяцкого могильника // Социальная дифференциация общества: поиски археологических критериев. М., 1993.
61. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934.

62. Хазанов А.М. Социальная история скифов: основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.
63. Крадин Н.Н. Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993.
64. Бондаренко Д.М., Коротчаев А.В., Крадин Н.Н. Социальная эволюция, альтернативы и номадизм // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.
65. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI–VIII вв. М.; Л., 1946.
66. Голден П.Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: структура власти и управления. М., 1993.
67. Крадин Н.Н. Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.

TORTIKA A.A.

FOREST-STEPPE DON REGION AND MOUNTAINOUS CRIMEA IN THE
KHAZAR PERIOD: COMPARATIVE ANALYSIS

Summary

The forest-steppe Don region (north-west Khazaria) and Mountainous Crimea in the 8th–9th centuries were a part of Khazar Khaganate and were under the control of central Khazar government. Both regions were populated by poly-ethnic clan-tribal groups of non-Khazar origin. The Alans –Goths of the Mountainous Crimea freed themselves from Khazar Khaganate. The Alans – Bulgarians from the forest-steppe Don region were a part of Khazar state during their whole history from the mid-8th –mid-10th centuries, and after its collapse they ceased their existence as a single group of early medieval population.

Comparative study of the two above-mentioned regions is perspective in the view of reconstruction of ethno-cultural and social processes, which took place there. The very fact of the existence of Khazar Khaganate, being a part of its military-political system, fulfilling some functions imposed by central Khazar government were its general background. Just provincial-bordering character of the named regions in relation to “the centre” of Khazar Khaganate, poly-ethnic composition of its population define a number of similar characteristics in their development during the Khazar period.

Therefore, the comparative analysis of Crimean Gothia and North-west Khazaria enabled us to see ethnocultural processes (settling, in particular) from a new point of view; helped to characterize social structures which existed among the Alans – Bulgarians and the Alans – Goths according to modern scientific ideas; gave an opportunity to form a clear picture of regional policy exercised by the central government of Khazaria. The purpose of this policy was to strengthen economic base of Khaganate and fortifying its frontiers.